

—

Утром они ели кашу с морепродуктами.

Каша была белая и густая. Тао Минчжуо, поев до половины, некоторое время смотрел на остатки каши на ложке, а затем подсознательно поднял глаза и посмотрел на губы Цзин Ци.

Цзин Ци, опустив голову, ел очень тихо. Его мягкие, слегка покрасневшие губы были чуть приоткрыты, на них остались небольшие белые крупинки каши.

Тао Минчжуо на мгновение почувствовал головокружение, он невольно начал вспоминать прошлую ночь, как Цзин Ци так же полулежал перед ним, опустив глаза, делая ему...

Тело Тао Минчжуо мгновенно напряглось, он заставил себя не смотреть на лицо Цзин Ци, но всё равно не мог перестать раз за разом переживать тот беспрецедентный, невероятно возбуждающий опыт прошлой ночи.

Почувствовав взгляд Тао Минчжуо, Цзин Ци поднял глаза и спросил: «Что случилось?»

Тао Минчжуо с трудом произнёс: «Ни... ничего».

Тао Минчжуо неловко отвёл взгляд, его кадык с трудом дёрнулся. Он опустил голову и только тогда обнаружил, что, зачерпывая ложкой, он набрал лишь воздух.

Хорошо, что Цзин Ци был сосредоточен на еде каши и ничего не заметил. Тао Минчжуо прочистил горло и впопыхах набрал кашу.

Ещё до знакомства с Цзин Ци Тао Минчжуо уже немного слышал о его высокой эффективности и мудрых решениях.

С тех пор как Цзин Ци занял свою должность, доходы от их проектов неуклонно росли. И не только от таких популярных игровых проектов, как у Тао Минчжуо, но даже некоторые менее популярные проекты он смог возродить благодаря различным мероприятиям, что можно назвать «медицинским чудом».

Поэтому Тао Минчжуо знал, что, учитывая способности Цзин Ци, если он сказал, что найдёт Тао Сюэ подходящее место для проживания, то это жильё точно не будет плохим.

Но он никак не ожидал, что это место окажется домом Ли Лань.

Цзин Ци не был из тех, кто выставляет своё богатство напоказ. За исключением его жилья и экстравагантности при заказе еды на вынос, в обычной жизни Цзин Ци, будь то одежда или транспорт, был крайне скромнен и прост.

Из-за этого в их повседневном общении Тао Минчжуо не чувствовал, насколько он богат, а иногда даже забывал, что на самом деле Цзин Ци — его непосредственный начальник.

Пока Тао Минчжуо вдруг не вспомнил, что Ли Лань — мать Цзин Ци.

В этот момент Тао Минчжуо растерянно смотрел, как Ли Лань открыла дверцу роскошного автомобиля.

На её руке сияло кольцо с драгоценными камнями, неизвестно сколько карат, а когда она выходила из машины, то так торопилась, что не удержала в руках сумочку из крокодиловой кожи, и та прямо упала на землю.

Ли Лань: «Ой».

Тао Минчжуо, наблюдая за этим, чуть не подпрыгнул от волнения, быстро пробежал пару шагов вперёд и помог ей поднять сумку.

В его представлении такие сумки в бутиках выставляют только в перчатках. Тао Минчжуо поспешно спросил: «Вы проверьте скорее, не поцарапалась ли?»

Ли Лань взяла сумку, небрежно отряхнула с неё пыль и равнодушно махнула рукой: «Ничего-ничего, даже если поцарапалась, ничего страшного. Старое уходит, новое приходит».

Тао Минчжуо: «...»

Судьба — удивительная штука. Тао Минчжуо познакомился с Ли Лань раньше, чем с Цзин Ци.

Ли Лань была прямолинейной и откровенной, они с Тао Сюэ могли говорить обо всём. Их отношения были не просто клиент-мастер, а скорее близкие подруги.

Узнав о беде Тао Сюэ, Ли Лань выглядела злее, чем её родной брат Тао Минчжуо, ей хотелось прямо поцарапать лицо Тан Лицзе ногтями, а её ругательства были настолько авангардными, что молодые люди, слышавшие их, даже немного пугались.

Предложение Цзин Ци заключалось в том, чтобы Тао Сюэ родила ребёнка в доме Ли Лань. У Ли Лань есть своя частная вилла в пригороде, где есть не только сад и бассейн, но и водитель, горничная, врач и повар — всё включено.

При обеспечении безопасности это, несомненно, также хорошее место для восстановления здоровья и смены обстановки во время беременности.

Ли Лань тоже посчитала это хорошей идеей.

«Что за ужас произошёл с Сяо Сюэ, этот вонючий мужик-изменщик рано или поздно сгниёт снизу», — ругалась Ли Лань. «Не волнуйся, мне одной в этом доме ужасно скучно, пусть она поскорее переезжает, спокойно живёт и восстанавливает силы, и всё будет хорошо».

Говоря это, она достала телефон и начала отправлять голосовые сообщения: «Эй, Сяо Ян, да-да, это сестра Ли. Хочу заказать ещё немного ласточкиных гнёзд и женшенья, да-да, лучше доставьте мне сегодня до обеда...»

Тао Минчжуо хотел что-то сказать, но промолчал.

Он вздохнул, повернулся и сказал Цзин Ци: «Спасибо тебе и твоей маме за доброту, но моя сестра очень упрямая и стеснительная. Жить бесплатно у других людей... она точно не согласится».

Цзин Ци улыбнулся и промолчал: «У неё будет способ».

Тао Минчжуо быстро понял, что имел в виду Цзин Ци.

План Ли Лань был очень продуманным: она попросила Тао Минчжуо позвонить Тао Сюэ и

сказать ей, чтобы та взяла свой багаж и поехала в маникюрный салон.

Тао Сюэ всё ещё думала, что ей нужно переехать в прежнюю квартиру Тао Минчжуо, к тому же она несколько дней не была в салоне, поэтому, недолго думая, она быстро собрала вещи и днём отправилась в маникюрный салон.

Через полчаса Ли Лань, одетая в маленький костюм Chanel и на высоких каблуках, вошла, цокая.

Увидев Тао Сюэ, убирающую стол, Ли Лань изобразила удивлённое и радостное выражение: «Ах, Сюэ Сюэ, ты наконец-то вернулась! Я недавно вернулась из путешествия и искала тебя, но каждый раз тебя не было, сколько же я напрасно ездила!»

Ли Лань посмотрела на багаж Тао Сюэ у её ног и снова «охнула»: «Ты переезжаешь? Куда? Или едешь в путешествие?»

Превосходная актёрская игра! Сидящий рядом Тао Минчжуо мог лишь изо всех сил сдерживать выражение лица.

Тао Сюэ на мгновение растерялась, улыбнулась и сказала: «Сестра Ли, это не путешествие. В последнее время у меня были некоторые проблемы, поэтому я меняю место жительства».

Ли Лань притворилась удивлённой, хлопнула в ладоши и сказала: «Подожди-ка, как же так совпало! Если ты сегодня переезжаешь, то мне как раз нужно было кое-что тебе сказать».

Пока Тао Сюэ не успела отреагировать, Ли Лань загадочно наклонилась к её уху: «Недавно, когда я путешествовала, я посетила множество выставок масляной живописи за границей. Хотя я знаю, что уровень этих мастеров очень трудно превзойти, но по сравнению с тем, что я рисовала раньше, разница всё ещё слишком велика. Теперь мне даже неловко показывать свои работы своим подругам».

«Я думаю, возможно, я просто недостаточно усердно училась, поэтому так и не выработала свой собственный стиль. Вот и подумала найти частного художника, чтобы усиленно заниматься масляной живописью пару месяцев», — сказала она.

Тао Сюэ опешила: «Частный художник...»

Ли Лань сказала: «Да, жить у меня дома, чтобы утром и вечером могла меня учить, вот так, рука об руку. Сегодня я пришла к тебе, чтобы об этом поговорить».

«У профессиональных преподавателей масляной живописи слишком строгие правила, а с тобой мне комфортнее», — Ли Лань улыбнулась. «Так что считай, что я тебе крупно задолжала. Я вижу, что твои вещи уже собраны, и мой водитель ждёт у ворот, так что давай прямо сейчас переезжай ко мне, как тебе такая идея?»

Тао Сюэ долго приходила в себя: «Сестра Ли, дело не в том, что нельзя, просто это так внезапно, я...»

Тао Сюэ колебалась, умоляюще глядя на Тао Минчжуо, сидевшего рядом.

Тао Минчжуо невозмутимо приподнял бровь: «На самом деле, я думаю, что предложение сестры Ли очень хорошее. Может быть, сестра, ты ей поможешь?»

«Ой, ну вот и договорились», — Ли Лань без дальнейших разговоров начала передавать багаж Тао Сюэ водителю, стоявшему у двери. «Кстати, Сюэ Сюэ, заодно возьми с собой лаки для ногтей отсюда ко мне домой, я давно не делала маникюр, посмотри на мою кутикулу...»

«Это просто потрясающе». Вернувшись вечером домой, Тао Минчжуо всё ещё не мог сдержать восхищения: «Твоя мама действительно невероятна».

«Я лучше всех знаю боееспособность рта моей сестры, обычно, когда она меня ругает, я вообще не могу ей ничего ответить», — Тао Минчжуо покачал головой, переполненный чувствами. «А тут она перед твоей мамой и слова вставить не могла, и так вот ошарашенная ушла».

В этот момент Тао Сюэ уже успешно поселилась на вилле Ли Лань и только что прислала Тао Минчжуо фотографию, сказав, что Ли Лань приготовила для неё огромную кастрюлю каши с морскими огурцами.

Тао Минчжуо внимательно присмотрелся: чёрная, до краёв полная кастрюля. Он на мгновение не мог понять, чего в ней больше — каши или морских огурцов.

Обычная каша с морепродуктами, оставшаяся с утра, которую Тао Минчжуо сейчас ел, раньше казалась вполне съедобной, но теперь вдруг стала безвкусной.

Тао Сюэ: «Я не преувеличиваю. Думаю, у твоей сестры будет два фунта носового кровотечения после того, как я съем одну миску этого».

Тао Сюэ: «Больше ничего не говорю, я пошла есть кашу, доев, мне ещё нужно сделать наращивание ногтей для сестры Ли. Тебе следует пораньше лечь спать».

Тао Минчжуо: «[Маленькая лягушка аплодирует]»

Изначально это дело выглядело так, будто они доставляют Ли Лань неудобства, но Ли Лань своими словами «научить рисованию маслом и делать маникюр» легко изменила ситуацию, превратив Тао Сюэ из должника в того, кто делает одолжение.

Тао Сюэ не только охотно согласилась переехать, но и будет жить комфортно и спокойно.

Тао Минчжуо, отпив глоток каши, начал торжественно поблагодарить Цзин Ци: «Я знаю, ты не хочешь, чтобы я это говорил, но я очень благодарен тебе и твоей маме, до такой степени, что не знаю, как отплатить».

Цзин Ци опустил ложку, слегка улыбнулся и протянул Тао Минчжуо свою чашку: «Если хочешь отплатить, то налей мне ещё одну миску каши».

Тао Минчжуо на мгновение замер, взял чашку.

Они давно не ужинали вместе, и Тао Минчжуо заметил, что у Цзин Ци сегодня хороший аппетит: это уже третья миска каши, которую он ест сегодня вечером.

Несмотря на то, что это была оставшаяся с утра каша, аппетит Цзин Ци не уменьшался, и Тао Минчжуо это удивило.

«Не потому ли, что я слишком долго не ужинал с тобой?» — сказал Тао Минчжуо, ставя кашу перед Цзин Ци с некоторой гордостью. «Ты так сильно по мне скучал, что как только увидел меня, аппетит тоже улучшился?»

Цзин Ци замер, посмотрел на него и долго ничего не говорил.

Тао Минчжуо тоже почувствовал, что его слова были слишком наглыми. Он запоздало смутился и, собираясь что-то сказать, увидел, как Цзин Ци изогнул глаза.

Он услышал, как Цзин Ци сказал: «Да».

Это был первый раз за последние десять с лишним дней, когда Цзин Ци ужинал.

Забавно сказать, но привыкнув к постоянному присутствию Тао Минчжуо и к тому, что они раньше всегда ели вместе три раза в день, Цзин Ци почти забыл о своей странной болезни.

Завтрак и обед они могли есть вместе, к тому же Цзин Ци на самом деле не чувствовал голода, поэтому пропуск одного ужина не особо влиял на его жизнь.

Когда он был один, то никак не мог есть, поэтому каждый вечер Цзин Ци готовил ужин, перемешивал его палочками, чтобы создать вид съеденной еды, ставил в холодильник, а затем говорил Тао Минчжуо, что это были его остатки.

Конечно, при этом неизбежно случались некоторые промахи.

На самом деле, вчера, когда Тао Минчжуо спросил его о двух яйцах, у Цзин Ци возникла мысль признаться ему.

Но тут позвонила Тао Сюэ, и Цзин Ци понял, что сейчас, возможно, не самое подходящее время.

Если бы он сейчас рассказал Тао Минчжуо о своей болезни, это было бы похоже на то, как если бы он заставлял Тао Минчжуо сделать выбор – либо ужинать с ним после работы, либо идти к Тао Сюэ.

Тогда с точки зрения Тао Минчжуо, если он вернется домой и поужинает с Цзин Ци, он не сможет быть с Тао Сюэ. А если он не вернется домой и пойдет к Тао Сюэ, то Цзин Ци придется ждать его, чтобы поесть.

Исходя из понимания Цзин Ци характера Тао Минчжуо, результатом признания в болезни сейчас было бы то, что Тао Минчжуо в любом случае чувствовал бы вину перед одним из них – либо перед ним, либо перед Тао Сюэ.

Цзин Ци не считал, что пропуск одного приёма пищи в день — большая проблема, к тому же положение Тао Сюэ было гораздо серьезнее, чем его собственное, поэтому он не хотел обременять Тао Минчжуо в такой критический момент.

Он решил подождать, пока дела Тао Сюэ уладятся, и пока Тао Минчжуо не будет так занят, а затем найти подходящий момент, чтобы признаться Тао Минчжуо.

После ужина они вместе развалились на диване, наслаждаясь редким свободным временем.

Цзин Ци занимался документами, Тао Минчжуо прильнул к нему, делая на планшете наброски, объектом которых, естественно, был Цзин Ци.

Цзин Ци сказал: «Разве эскизы не должны быть сделаны на расстоянии, чтобы было легче наблюдать?»

Тао Минчжуо, рисуя на планшете, без смущения прижался к Цзин Ци: «Так-то оно так, но твой партнёр я, а я более крутой, поэтому могу рисовать и так».

Цзин Ци: «...»

Тао Минчжуо кашлянул, меняя тему: «Кстати, я раньше столько раз рисовал с твоей мамой, знал, что она умеет говорить, но не ожидал, что она настолько крута».

Будто вспомнив что-то интересное, он снова с чувством заговорил: «И твоя мама такая забавная! Она ещё не знает, что мы вместе, а сегодня, перед уходом, тайно отвела меня в сторону и сказала, что нам стоит больше общаться, и ещё сказала, что я на два года младше тебя, так что я могу просто называть тебя братом. Она такая дружелюбная...»

Цзин Ци «ахнул», отвёл взгляд от документов и с улыбкой сказал: «Может, сейчас назовёшь?»

Тао Минчжуо тут же покраснел и отвёл взгляд: «Не хочу, сейчас я рисую, не мешай мне».

Только что говорил сам Тао Минчжуо, но теперь он сухо сказал «не мешай мне», и Цзин Ци захотелось рассмеяться.

Закончив свою работу, они вместе посмотрели фильм.

Подростковый романтический фильм о любви между наивными юношами.

На этот раз, в отличие от прошлого детективного фильма, их состояния были совершенно противоположными: Цзин Ци смотрел, и его веки тяжелели, а Тао Минчжуо, напротив, с удовольствием смотрел весь фильм, запихивая в рот закуски.

Когда фильм подходил к концу, Тао Минчжуо вдруг сказал: «Оказывается, тайная любовь такая горькая... Хорошо, что они в итоге сошлись».

Спустя долгое время он услышал, как Цзин Ци рядом с ним тихо произнес: «Хм».

Тао Минчжуо повернул голову в сторону и обнаружил, что Цзин Ци давно уже закрыл глаза и находился в полудрёме, вероятно, не расслышав, что он сказал.

Его лицо выглядело усталым. Тао Минчжуо на мгновение замер, затем взял одеяло, брошенное на них обоих, и осторожно укрыл Цзин Ци.

Тао Минчжуо очень тихо снова сказал ему: «Спасибо».

Цзин Ци, казалось, не услышал. Тао Минчжуо повернулся, посмотрел на экран некоторое время, а затем вдруг ни с того ни с сего сказал: «Цзин Ци, я... я буду хорошо к тебе относиться».

В этот момент Цзин Ци был крайне измотан, он мог смутно слышать, что говорил Тао Минчжуо, но его мозг не мог осмыслить слова человека рядом.

Цзин Ци невнятно ответил.

Тао Минчжуо ещё долго молчал, затем, словно смущаясь, заговорил: «У меня нет другого смысла, просто потому, что мы теперь вместе, а ты так хорошо ко мне относишься, мне всегда было очень любопытно, поэтому я и хотел спросить тебя...»

Цзин Ци на самом деле не совсем спал, он слегка приоткрыл глаза, стараясь расслышать, что именно хотел спросить Тао Минчжуо.

Но после этого Тао Минчжуо очень долго не произносил ни слова.

Так долго, что Цзин Ци совсем заснул, он снова закрыл глаза, собираясь погрузиться в безмятежный сон.

В полусне он вдруг услышал, как Тао Минчжуо очень тихо спросил его: «Цзин Ци, почему ты тогда... почему ты тогда полюбил меня?»

—

<http://bllate.org/book/12607/1119772>